

© 1991 г.

ЭПШТЕЙН М. Н.

ИДЕОЛОГИЯ И ЯЗЫК

(ПОСТРОЕНИЕ МОДЕЛИ И ОСМЫСЛЕНИЕ ДИСКУРСА)

Способ выражения оценочности в языке — одна из тех лингвистических проблем, с которыми постоянно приходится сталкиваться при анализе идеологических текстов. Какими лексическими средствами располагает говорящий для оценки предмета своего сообщения? Образуют ли эти средства целостную систему упорядоченного воздействия на читателя или слушателя? Эти вопросы лексической прагматики, тесно связанные с идеологической практикой и «идеократическими» системами XX в., ставятся в данной статье в основном на материале публицистического стиля современного русского языка.

1. **Оценочно-референтные слова — прагмемы.** На уровне лексики можно выделить три класса слов, различных по способам их оценочного использования. К первому классу относятся слова, прямое значение которых ничего не предопределяет в отношении говорящих к обозначаемым ими явлениям: *дом, книга, языкознание, зеленый, деревняный, смотреть* и т. п. Ко второму классу относятся слова, значение которых содержит оценку, — однако не указывается, к чему именно, к какому предмету или явлению относится эта оценка: *хороший, плохой, полезный, вредный, прелесть, ужас*.

Наконец, можно выделить третий класс слов, в которых предметное и оценочное значения предстают как бы склеенными, жестко связанными. Например, слово *ошельмовать* означает «предать позору, обесчестить» и в то же время выражает отрицательную оценку этого действия, предполагая, что некто был опозорен незаслуженно, несправедливо. Слово *заклеймить* имеет то же самое предметное значение, что и *ошельмовать*, но выражает другую, положительную оценку данного действия. Говоря *заклеймить*, мы выражаем свое согласие с тем, что обозначает это слово: некто был заслуженно, справедливо предан позору за совершенные им преступления, злодеяния. В словарных определениях этих и подобных слов обычно присутствуют как предметные, так и оценочные компоненты, причем последние могут записываться по-разному: либо в виде словарной пометы («презрительное», «неодобрительное», «почтительное» и пр.), либо в составе самой словарной статьи, в виде оценочных слов, входящих в дефиницию («ложный», «мнимый», «полезный», «прогрессивный» и пр.). Сравним два определения в Толковом словаре Ожегова:

«Пособник» (неодобр.). Помощник в дурных, преступных действиях».

«Сподвижник (высок.). Тот, кто участвует как чей-н. помощник в деятельности на к.-л. поприще, соратник».

Как видим, указанные слова, имея почти одинаковую референтную соотнесенность, выражают противоположное отношение говорящего к явлению, нейтрально обозначаемому в определении словом *помощник*. Очевидная идеологическая отмеченность слов *пособник* и *сподвижник*,

часто употребляемых в публицистических, газетных текстах, обусловлена тем, что в их значении предметный (референтный) компонент «помощника» неотделим от оценочных компонентов «высокий», «дурной» и пр., сами же по себе лексемы, данные в дефинициях, идеологически совершенно нейтральны.

Таким образом, есть слова, грубо говоря, «предметные» по своему лексическому значению и приобретающие оценочный смысл лишь в контексте своего употребления; есть слова сугубо «оценочные», предметная соотнесенность которых также выясняется только из контекста; и есть слова «предметно-оценочные», в самом лексическом значении которых совмещены оба компонента, — слова, оценивающие собственную предметность и определяющие собственную оценочность, так сказать, «самозначимые» слова, не просто называющие явление, но и нечто сообщающие о нем. Так, слово *сговор* можно перефразировать как «соглашение с дурной, преступной целью»; *прокламировать* — как «провозглашать нечто ложное, несбыточное»; *бодрчество* — как «ложная, надутая, наигранная бодрость». Каждое из этих слов потенциально несет в себе целое суждение, объект которого — явление, обозначенное словом, а «предикат» — выраженная им оценка. Слова, принадлежащие к третьему классу, соединяющие предметность и оценочность, мы в дальнейшем будем называть прагмемами. В их лексическом значении семантический аспект — отношение слова к обозначаемому явлению — неразрывно связан с прагматическим аспектом — отношением говорящего к предмету сообщения. Лексема с закрепленной за нею, устойчивой прагматической установкой — это и есть прагмема, включающая в свое основное, словарное значение те компоненты, которые словами первого и второго класса обретаются лишь опосредованно, в контексте общения. Прагмемы наиболее автономны в коммуникативном плане — они выбрали контекст, или прагматическую ситуацию в ядро своего лексического содержания, в силу чего могут употребляться как законченные суждения о том, что они сами обозначают. Такие слова, как *объективизм, идеализм, примиренчество, самоуправство, сговор, лизорадошно, матерый, пособие, смыкаться* — с одной стороны, *объективность, материализм, миролюбие, почин, содружество, оперативно, опытный, сподвижник, сплываться* — с другой, могут сами по себе играть роль законченных коммуникативных единиц. Ясно, что такой прагматической функции лишены слова типа *дождь* (закрывающие в себе объект суждения, но не имеющие предиката) или слова типа *хороший* (закрывающие в себе предикат суждения, но не имеющие объекта).

Роль прагмем в публицистическом тексте определяется тем, что они представляют собой свернутые суждения, обладающие особой силой убеждения. Суждения могут быть развернуты в предложении как расчлененное единство субъекта и предиката, и тогда эксплицированная структура суждения позволяет его оспорить, не согласиться с ним, поправить его. Прагмема же представляет собой идею, свернутую в одно слово, которое имплицитно заключает в себе оба члена суждения. Ср.: *Эта инициатива оказалась (по каким причинам?) неуместной и нанесла нам значительный (какой именно?) ущерб* — пример эксплицитного суждения, внутри которого остается (в скобках) место для доводов, подлежащих обоснованию или опровержению; *Необходимо должным образом оценить и пресечь подобные случаи самоуправления!* — пример имплицитного суждения, в котором неразрывно склеены и «субъект», и предикат.

Следует отметить, что класс прагмем исключительно широко представлен в лексике современного русского языка, составляя, по нашим

подсчета, примерно одну пятую всего его словарного фонда (точное количество можно было бы определить по семантическим множителям толкового словаря — оценочным словам, входящим в состав словарных помет и дефиниций). По наблюдению В. Г. Гака, сравнивавшего лексику русского и французского языков, «очень часто одному стилистически нейтральному французскому слову соответствует несколько русских слов с различной стилистической характеристикой (отрицательной, положительной, нейтральной)» [1]. Так, французское *entente*, лишенное экспрессивной окраски, по-русски передается словами, которые к общему предметному значению добавляют противоположные оценочные: положительное — *согласие*, отрицательное — *сговор* и на их фоне нейтральное — *соглашение*. Точно так же французское *fameux* имеет три оценочных русских соответствия: *знаменитый*, *известный*, *пресловутый* (примеры взяты из указанной книги В. Г. Гака). Подобный «синтезизм», сращение семантической основы слова с его прагматической функцией, объединение их в рамках прямого, основного значения лексических единиц — крайне интересная особенность лексической системы современного русского языка.

2. Типы отношений между прагмемами. Связи между прагмемами определяются теми же отношениями тождества и противоположности, синонимии и антонимии, которые пронизывают всю лексическую систему языка. Но поскольку прагмемы обладают двойственным, оценочно-предметным значением, то и все отношения между ними удваиваются. На место антонимии и синонимии встают отношения четырех типов:

1) **Полная антонимия**¹, противопоставленность как предметных, так и оценочных значений. Такое отношение мы будем называть **контрарным**, а соответствующие слова, связанные контрарными отношениями, — **контративами**. Так, пары: *требовательность* — *попустительство*, *миролюбие* — *агрессивность*, *коллективизм* — *индивидуализм*, *новаторство* — *эпигонство*, *сплочение* — *раскол*, *интернационализм* — *национализм*² являются контрарными, поскольку слова в них противопоставлены не только по наличию или отсутствию какого-либо собственно семантического признака, но и по положительному или отрицательному отношению говорящего к предмету речи. *Коллективизм* — это **н а л и ч и е** общности между людьми (или стремление к ней), которое оценивается **п о л о ж и т е л ь н о**, а *индивидуализм* — **о т с у т с т в и е** такой общности (или стремления к ней), которое оценивается **о т р и ц а т е л ь н о**.

2) **Предметная синонимия** (ко-референтность) при оценочной антонимии. Прагмемы указывают на тождественные (или сходные) явления действительности, но присваивают им противоположные оценочные значения. Такое отношение мы будем называть **к о н в е р с и в н ы м**, а соответствующие слова — прагматическими (оценочными) конверсивами³, например: *требовательность* — *придирчивость*, *миролюбие* — *при-*

¹ Понятия «синонимии» и «антонимии» мы будем употреблять расширительно, включая сюда квазиантонимию и квазисинонимию в том смысле, в каком эти явления охарактеризованы в [2].

² При подборе этих и других примеров мы пользовались рядом словарных пособий [3—6].

³ В отличие от семантических конверсивов, характеризующих противоположные роли участников описываемой ситуации (если А «выигрывает», то В «проигрывает»; если А «продает», то В «покупает» и т. п.), прагматические, или оценочные конверсивы характеризуют противоположные позиции участников в самой ситуации общения (что для А «мечты», то для В «бредни»; что для А «заклеймить», то для В «ошельмовать» и т. п.).

миренчество, свобода — вседозволенность, новаторство — авангардизм, размежевание — раскол, патриотизм — национализм.

Слова *миролюбие* и *примиренчество* имеют общее означаемое: «склонность к миру», «стремление установить мир». Но оценочное значение этих слов прямо противоположно, поскольку предполагает позитивное или негативное отношение говорящего к стремлению установить мир. С точки зрения лексической прагматики, конверсивные отношения слов особенно интересны, поскольку оценочные различия становятся здесь единственным фактором, который обуславливает выбор говорящим тех или иных слов. Наличие в языке таких лексических пар, как *собрание* — *сборище*, *усилия* — *потуги*, *обещания* — *посулы*, *воин* — *вояка*, *хозяйствовать* — *хозяйничать*, *проводить* — *прокламировать*, *сподвижник* — *приспешник*, *популярный* — *вульгарный*, *доходчивость* — *упрощенчество*, *соревнование* — *конкуренция*, *деловитость* — *делачество*, *непринужденный* — *бесцеремонный*, *безоговорочно* — *безапелляционно*⁴ и многих других, объясняется тем, что для лексико-конструктивных оказывается не только семантический, но и прагматический план языка, необходимость противопоставлять в системе словесных знаков не только предметные, но и оценочные значения.

Благодаря контекстуально связующей функции прагмем целые высказывания могут находиться между собой в отношениях оценочной конверсии, противопоставляющей попарно их элементы. Например, высказывание *Опытный политик заключил договор с руководителями повстанческого отряда* может быть сопоставлено с прагматически ориентированным высказыванием *Матерый политикан вступил в сговор с главарями бандитской шайки*. Закон прагматического согласования всех элементов высказывания не допускает, чтобы поменялись местами хотя бы два оценочных слова из этих фраз. Точно так же скептическая характеристика литературного стиля — *щеголеватость укрощенного ритма, стерильность языка, переходящая в искусственность, но не препятствующая туманностям и недомолкам* — может быть переведена в позитивную: *изящество покоренного ритма, чистота языка, доходящая до высокой искусности, но не упражняющая многозначности и глубины*.

3) Предметная антонимия, оценочная синонимия и я. Этот тип отношений между прагмемами обратен конверсии: слова имеют противоположные предметные значения, но тождественные оценочные: *требовательность* — *доброжелательность*, *миролюбие* — *непримиримость*, *интернационализм* — *патриотизм*, *слочение* — *размежевание*, *новаторство* — *традиционность*, *объективизм* — *субъективизм*.

Слова *обелять* и *очернять* обозначают действия, прямо противоположные, но в обоих случаях подразумевается негативная оценка этих действий. *Миролюбие* и *непримиримость* — антонимы в предметном плане («стремление к миру» — «отказ от мира»), но предполагают равно положительную оценку обозначаемых явлений. Такую связь мы будем называть коррелятивной, а соответствующие слова — *к о р р е л я т и в а м и*. Коррелятивы часто встречаются в позиции однородных членов как дополняющие друг друга стороны одного — положительного или отрицательного — явления: *Как новаторство, так и традиции составляют незыблемую основу искусства; Борьба против субъективизма и объективизма*

⁴ Как видно из приведенных примеров, в конверсивной паре положительный член часто выражен исконно русским, а отрицательный — заимствованным словом (ср. также союз — альянс, разведчик — шпион, объединяться — блокироваться); гораздо реже встречается обратное соотношение (оптимизм — прекраснотушье).

в науке — актуальная задача наших дней. Если благодаря конверсии одно и то же явление может оцениваться противоположным образом, то благодаря корреляции противоположные явления могут оцениваться одинаково.

4) Полная синонимия, тождественность (или близкое сходство) как референтных, так и оценочных значений. Слова *дисциплина — организованность — сознательность* в противопоставлении другому ряду слов (*анархия — стихийность — распущенность — вседозволенность*) могут рассматриваться как взаимозаменяемые прагмемы, с у б с т и т у т и в ы. Поскольку субститутивный тип связи, в отличие от трех предыдущих, не является оппозитивным, структурообразующим, он не участвует в построении прагматической модели, описанной в разделах 4 и 5, но зато играет большую роль в конкретной реализации этой модели, в лексическом варьировании ее элементов, что приводит к образованию оценочно-тематических групп слов (разд. 6).

3. Структура оценочности — тетрада. Три описанных выше типа отношений между прагмемами (контрарность, конверсия, корреляция) существуют не изолированно, но образуют целостную структуру, существенно определяющую оценочное использование лексики. Это четырехэлементная структура (тетрада) следующего типа:

<i>миролюбие — примиренчество</i> <i>непримиримость — агрессивность</i>	<i>свобода — распущенность</i> <i>дисциплина — принуждение</i>
<i>требовательность — придирчивость</i> <i>добродетельность — попустительство</i>	<i>твердость — твердолобость</i> <i>гибкость — мягкотелость</i>
<i>внимательность — подозрительность</i> <i>доверие — ротозейство</i>	<i>патриотизм — национализм</i> <i>интернационализм — космополитизм</i>
<i>новаторство — авангардизм</i> <i>традиционность — эпигонство</i>	<i>деловитость — делачество</i> <i>бескорыстие — бесхозяйственность</i>
<i>щедрость — расточительство</i> <i>бережливость — накопительство</i>	<i>непринужденный — бесцеремонный</i> <i>сдержанный — чопорный</i>
<i>сплочение — блокирование</i> <i>размежевание — раскол</i>	<i>ускоренный — формировавшийся</i> <i>стабильный — застойный</i>

Каждая из этих лексических тетрад имеет одинаковую структуру, которая схематично может быть изображена в виде квадрата, пересеченного диагоналями. По горизонтали между элементами тетрады развертываются конверсивные отношения, по вертикали — коррелятивные, а по диагонали — контрарные:

На схеме видно, что тетрада представляет собой целостное смысловое образование, в котором прослеживаются выделенные выше связи трех типов. Важно, что каждый элемент тетрады одновременно входит во все перечисленные отношения с другими элементами. Так, *миролюбие* связано конверсивной связью с *примиренчеством*, коррелятивной — с *непримиримостью* и контрарной — с *агрессивностью*. Все эти оппозитивные отношения являются обязательными и конструктивными для каждого элемента тетрады, благодаря чему вся структура приобретает компактность и напряженность.

Такое соотношение прагмем показывает, как происходит в языке процесс порождения и распределения оценочных смыслов. Благодаря тетраде некое понятие, комплекс культурно обусловленных представлений, преобразуясь через набор определенных правил, может быть передано четырьмя различными способами, четырьмя лексемами, каждая из которых несет четкую идеологическую установку. Эту изначальную «тему», лежащую в основе каждой тетрады, обозначим условно буквой «А» (архетема, трансформируемая в систему четырех прагмем). Пусть в выбранном нами примере «А» интерпретируется как «стремление к миру». Тогда возможны следующие операции преобразования «А»:

1) А трактуется говорящим как нечто положительное, желательное, должное, и тогда ему присваивается имя *миролюбие*, несущее позитивный оценочный смысл: «+А».

2) А трактуется говорящим как нечто отрицательное, вредное, несвоевременное, и ему присваивается имя *примиренчество*, несущее негативный смысл: «-А».

3) -А (т. е. противоположность «А» — «отсутствие стремления к миру», «отказ от мира») трактуется говорящим как нечто своевременное, необходимое, положительное, и ему присваивается имя *непримиримость*, несущее позитивный смысл: «+(-А)».

4) -А трактуется как нечто вредное, разрушительное, дурное, и ему присваивается имя *агрессивность*, несущее негативный смысл: «-(-А)».

Точно так же, если мы возьмем в качестве архетемы «трата средств», то преобразование ее по правилам тетрады даст нам четыре идеологически окрашенных прагмемы, в которых будет выражено как положительное и отрицательное отношение к обильной трате средств (*щедрость*, *бескорыстие* — *расточительность*, *разбазаривание*), так и положительное и отрицательное отношение к отказу от траты средств (*бережливость*, *экономность* — *собственничество*, *накопительство*).

Архетема «следование ранее установленным образцам» дает «на выходе» из тетрады такие слова, несущие идеологическую нагрузку, как *традиционность* — *эпигонство* (положительная и отрицательная оценка «следования»), и *новаторство* — *авангардизм* (положительная и отрицательная оценки отказа от такого «следования»).

Таким образом, четыре прагмемы, образующие тетраду, — это совокупность оценочных преобразований одной темы, лежащей в их основе. Тетрада образуется двумя последовательными дуальными расщеплениями единой сущности, в ходе чего на первой стадии возникают «+А» и «-А» [денотативное членение: предмет с положительно маркированным и отсутствующим (или противоположным) признаком типа «стремление к миру» — «отказ от мира»], а на второй стадии — «+(+А)», «-(+А)», «+(-А)», «-(-А)» (коннотативное членение: каждый из двух предметов — с присутствующим или отсутствующим признаком — оценивается положительно или отрицательно). Более наглядно это соотношение элементов в тетраде может быть передано с помощью знаков 1 и 0, образующих четыре последовательности, «слова», каждое в два знака длиной:

11 01

10 00, что позволяет четко проследить синонимически-антонимические отношения в тетраде и соответствующую им структуру оценок (совпадение или различие одноместных, т. е. стоящих справа и слева, знаков).

4. Речевая актуализация тетрады и логика оценок. То, что описано выше как теоретическая конструкция, с древнейших времен находило воплощение в живой языковой практике. Фукидид в своей «Истории» проницательно замечает, как изменяются оценочные нормы словоупотребления в эпохи общественных потрясений: «Безрассудная отвага, например, считалась храбростью, готовой на жертвы ради друзей, благоразумная осмотрительность — замаскированной трусостью, умеренность — личиной малодушия, всестороннее обсуждение — совершенной бездейтельностью. Безудержная вспыльчивость признавалась истинным достоинством мужа. Забота о безопасности была лишь благовидным предлогом, чтобы уклониться от действия» [7].

Перед нами — два ряда идеологических оценок, принадлежащих разным общественным группам, партиям, субъектам речи. То, что один считает положительным проявлением *мужества*, другой характеризует отрицательным словом *безрассудство*. И, напротив, медлительное, осторожное поведение противоположного лагеря, которое изнутри его характеризуется как необходимая *предусмотрительность*, встречает извне упрек в замаскированной *трусости*. Само употребление соответствующих слов освобождает от долгих логических доказательств: то, что *предусмотрительность* лучше *безрассудства*, а *мужество* лучше *трусости* — всецело заключено в самих словах, в их лексически закрепленной оценочности, как это явствует из тетрады:

мужество — *безрассудство*
предусмотрительность — *трусость*.

Архтема «предпринимать опасные действия, не бояться за свою жизнь» трансформируется тетрадой в идеологически насыщенные прагмемы — слова, которые говорят сами за себя. Доказательств могло бы требовать не то, что *предусмотрительность* — хорошо, а *трусость* — плохо, но то, какое из этих двух слов более подходит к обозначению данного свойства в данной ситуации; однако это уже вопрос, требующий выхода на мета-языковый уровень, что, естественно, разрушает идеологические установки спора.

Можно выделить три вида отношений между тетрадой как языковой структурой и способом ее речевой актуализации. Во-первых, говорящий может осознавать и активно использовать лишь фрагмент тетрады — одну

из контрарных пар, актуализируя, скажем, либо противопоставление «мужества — трусости» и занимая позицию «радикала», либо противопоставление «предусмотрительности — безрассудства» и занимая позицию «консерватора»; при этом его речевое поведение всецело подчинено одной из этих двух оценочных установок. Во-вторых, говорящий может осознавать тетраду во всем ее объеме и представлять как предмет метаязыкового описания, выступая в качестве лингвиста, философа, историка, одним словом, беспристрастного наблюдателя; при этом тетрада лишается прагматического назначения, поскольку обнажается сам механизм ее действия. Наиболее интересен третий вид отношения структуры к ее актуализации — объединяющий первые два. Субъект включает всю тетраду в свою лексическую компетенцию, но реализует не сразу, не такой, какова она в языке, — а диадами, в последовательности речевых актов, каждый из которых сохраняет свою отдельную прагматическую направленность. Если развить пример, взятый из Фукидида, то один и тот же субъект (индивид или группа) может пользоваться поочередно обоими противопоставлениями: «мужества — трусости» и «предусмотрительности — безрассудства», поражая в одном случае своих умеренных, консервативных — «трусливых», — противников, а в другом, под флагом борьбы за осмострительность, против «безрассудства», поражая своих недавних союзников — «мужественных», радикалов. Один речевой субъект здесь берет на себя роль двух противоположных субъектов, пользуется обоими контрарными установками, заключенными в тетраде, и тем самым приобретает практический перевес над своими односторонними противниками, используя силу каждого для победы над другим. Как сформулировал стратегию такого поведения Н. Маккиавелли, «с помощью одного ты разгоришь другого, хотя тому, будь он умнее, следовало бы спасать, а не губить противника; а после победы ты подчинишь союзника своей власти» [8, с. 367]. Речевой субъект третьего типа отличается от первых двух тем, что не отдается эмоциям и не отказывается от них — он рационально пользуется эмоциями и оценками, заключенными в словах, так, чтобы в каждой данной ситуации нужная ему эмоция, подкрепленная авторитетом языка, возымела силу. Обладая набором всех четырех имен для двух противоположно направленных сил А и В (—А), субъект может осуществлять полный речевой контроль над ними. В ситуации, требующей усиления А и ослабления В, употребятся имена «+А» и «—В». Но если А достигает чрезмерной силы и претендует на самостоятельность и господство, субъект речевой стратегии меняет имена, использует другую контрарную пару, противопоставляя «+В» и «—А» или, по словам Маккиавелли, «обуздывает сильных и поощряет слабых» [8, с. 355], что укрепляет его превосходство над теми и другими. С этой точки зрения тетрада формулирует оптимальную стратегию речевого поведения в ситуациях конфликта, показывая, как применяются словесные оценки против обеих противоборствующих сторон, с целью их взаимного ослабления и достижения глобального перевеса.

Структура оценочности, выраженная в лексической тетраде, могла бы стать предметом самостоятельного логико-лингвистического изучения, особенно интересного в сопоставлении с уже известными и более или менее описанными структурами формальной, диалектической, релятивистской логики. Есть основание предполагать, что тетрада как принцип прагматического мышления включает в себя существенные моменты всех этих логик, объединяя их как идеально структурированное целое.

В самом деле, важнейший закон формальной логики — закон проти-

воречия ($A \neq \text{не } A$) — находит себе выражение в контрарной связи элементов, входящих в тетраду, в противопоставлении « $+(+A)$ » и « $-(-A)$ », а также « $+(-A)$ » и « $-(+A)$ » («свобода—принуждение». «дисциплина — распушенность»). Узловой момент диалектической логики — закон единства противоположностей ($A = \text{не } A$) раскрывается в коррелятивных о й связи элементов, где противоположности обнаруживают свое единство в прагматическом аспекте («свобода» и «дисциплина» — в равной степени утверждается, а «принуждение» и «распушенность» — в равной степени отрицаются). Наконец, р е л я т и в и с т с к а я (реляционная) логика, особенно глубоко разработанная в науке XX в., утверждает зависимость всех характеристик объекта от позиции наблюдателя, что находит себе соответствие в конверсивной связи элементов: один и тот же предмет обнаруживает разную сущность и называется противоположными по смыслу словами в зависимости от отношения к нему говорящего (то, что в одном отношении предстает как «свобода», в другом отношении является «распушенностью»; в разных системах отсчета «дисциплина» может быть оценена как «принуждение», а «принуждение» — как «дисциплина»). Тетрада организует противоположности таким образом, что они: а) противопоставляются друг другу ($A \neq -A$); б) объединяются между собой ($A = -A$); в) меняются местами ($A - A$), что соответствует трем операциям, выполняемым внутри разных логик. Каждая из этих операций в системе иной логики выглядит незаконной, недопустимой — например, формальная логика не приемлет диалектического единства противоположностей. Что касается языковой прагматики, то для нее в с е эти операции представляются законными, поскольку они образуют три типа отношений в тетраде. То, что предстает неразрешимым противоречием в рамках какой-нибудь одной логики, тетрада перекодирует в систему другой, где это противоречие разрешается. Так, «свобода» противопоставит «принуждению» или «насилию», но в то же время она полноценно коррелирует с этой же сущностью, взятой как «дисциплина» или «необходимость», и сама переходит в свою отрицательную противоположность, становясь «распушенностью» и вставая в один оценочный ряд с «насилием». Круговая и перекрестная оценочная перекодировка всех элементов в тетраде обеспечивает ей полную логическую неуязвимость, по-видимому, вообще свойственную «оценочной» логике, что проявляется в максимально эффективном воздействии ее — через механизмы языка — на общественное сознание.

5. Лексико-прагматические функции и группы слов. До сих пор речь шла в основном о структурных связях прагмем. Теперь необходимо вновь вернуться к лексическому материалу и способу его организации на основе четырехэлементных структур. Предстоит показать, что каждая позиция в тетраде занимается в сущности не конкретным словом, а типовым оценочным значением, своего рода прагматической функцией, варьируемой множеством прагмем. Сопоставим несколько сходных тетрад:

миролюбие — примиренчество
непримиримость — агрессивность
соглашение — соглашательство
соревнование — конкуренция

содружество — альянс
противоборство — конфронтация
сличение — блокировка
размежевание — раскол

Несмотря на лексические различия, очевидно, что во всех этих тетрадах варьируется один набор оценочных функций:

«положительное объединение» — «отрицательное объединение»
 «положительное противопоставление» — «отрицательное противопоставление»

Вместо четырех лексических мы получили теперь одну функцию — а л ь у тетраду, каждая позиция в которой представлена не словом, а обобщенным значением целого ряда слов, их единой прагматической функцией⁵. *Миролюбие, содружество, согласие, сплочение* — все это разнообразные синонимические выражения функции, которую можно обозначить «+UN» (объединение, которое оценивается положительно); *агрессивность, конфронтация, конкуренция, раскол* имеют общую функцию —DIF (разъединение, которое оценивается отрицательно). Вот весь набор функций, входящих в данную обобщенную тетраду:

+UN —UN
+DIF —DIF

Каждой из этих функций соответствует целая группа слов, находящихся-ся между собой в отношениях субституции (см. конец 2-го раздела). Этот последний, четвертый тип связи между прагмемами, не противопоставляющий их ни в оценочном, ни в референтном плане и потому не учитываемый при построении тетрадической модели, играет огромную роль в ее конкретной лексической реализации. Приведем примеры субститутивов для четырех вышеуказанных функций:

+UN	—UN	+DIF	—DIF
<i>мир</i>	<i>соглашательство</i>	<i>борьба</i>	<i>вражда</i>
<i>единство</i>	<i>примиренчество</i>	<i>боевитость</i>	<i>раскол</i>
<i>сплоченность</i>	<i>вспрошение</i>	<i>непримиримость</i>	<i>антагонизм</i>
<i>содружество</i>	<i>капитулянтство</i>	<i>наступательность</i>	<i>конфронтация</i>
<i>равенство</i>	<i>внеклассовость</i>	<i>классовость</i>	
<i>братство</i>	<i>космополитизм</i>	<i>бескомпромиссность</i>	<i>соинственность</i>
<i>миролюбие</i>	<i>блокирование</i>	<i>размежевание</i>	<i>агрессивность</i>
<i>разрядка</i>	<i>альянс</i>	<i>дифференциация</i>	<i>милитаризм</i>
<i>коллективизм</i>	<i>стадность</i>	<i>соревнование</i>	<i>реванизм</i>
<i>бесклассовость</i>	<i>облагатка</i>		<i>национализм</i>
<i>интернационализм</i>	<i>уравнительство</i>		<i>индивидуализм</i>

Из этого перечня видно, что субститутивы не являются полными синонимами или даже квазисинонимами, как их понимает лексическая семантика, — принцип их объединения лежит не в семантической, а в прагматической плоскости языка, где они служат выражению одной оценочной установки в отношении одного тематического круга проблем. Объединяясь своим типовым значением в рамках тетрадических оппозиций, субститутивы различаются между собой конкретными областями лексической референции. Так, если исходить из словоупотребления, харак-

⁵ Сама идея выделения «абстрактных, типовых значений, которые, подобно грамматическому, выражаются при достаточно большом числе слов» [2, с. 45], была выдвинута и отчасти реализована в рамках не прагматики, а семантики — группой лингвистов, объединенных работой над моделью «Смысл — Текст». Примером лексико-семантической функции может служить MAGN, означающая «очень», «высокую степень» и реализуемая, в зависимости от контекста, словами *жесткий (бронет), грубая (ошибка), крошечная (тма), гребовая (тишина)*, и т. п. Было выделено около 40 подобных типовых значений [9]; однако дальнейший анализ показал, что, с одной стороны, число таких функций вряд ли может быть как-то ограничено, а с другой — семантическое богатство языка не поддается до конца подобной классификации, как бы ни увеличивать количество функций. Что касается лексической прагматики, то выделение типовых значений тут существенно облегчено четким разделением всех слов на позитивно-оценочные и негативно-оценочные. Кроме того, слова с конкретными, трудно кодируемыми значениями (типа *лябод, сиянь, шепелявить*) остаются в основном за пределами данной области, что позволяет предположить в ней большую, чем в семантике, степень доступности функциональным обобщениям.

терного для современных публицистических текстов, то *борьба* — это противопоставление «своих» и «чужих», *рамежевание* — разделение между «своими», из которых выделяются «чужие»; *соровование* — разделение внутри «своих». Субститутивы *соглашательство* и *примиренчество* дают отрицательную характеристику объединению «своих» и «чужих», а *блокирование* и *альянс* — объединению между «чужими».

Типичный пример субституции — слова *материализм*, *реализм*, *историзм*, *атеизм*, выражающие положительную оценку материального начала в его первенстве над идеальным, — соответственно в сфере философских убеждений, художественных направлений, научных методов и религиозных верований. Здесь мы переходим уже к другой оппозиции, также характерной для публицистического стиля: «реальное — идеальное», оценочная трансформация которой в языке раскрывается набором следующих четырех функций:

+REAL	-REAL	+IDEAL	-IDEAL
реализм	бездейность	идейность	идеализм
реалистичность	бездельность	духовность	субъективизм
материализм	бездуховность	вера	спиритуализм
историзм	беспринципность	идеал	мистика
атеизм	объективизм	принципиальность	утопиям
научность	позитивизм	страстность	мифотворчество
объективность	эмпиризм	услешенность	обскурантизм
трезвость	копиизм	окрыленность	фанатизм
здравомыслие	натурализм	вдохновение	экзальтация
беспристрастность	приземленность	гореение	прекраснодушие
правдивость	бескрылость	героика	беспочвенность
отражение	мещанство	безаветность	доктринерство
	обыкновенность	романтика	начетничество

Подчеркнем, что данный список субститутивов, как и последующие, далеко не полон — он лишь показывает, как модель тетрады, прагматическая «тетралектика» функционирует в лексической системе языка, подбирая необходимые слова, в которых выражена как положительная, так и отрицательная оценка обоих членов структурной оппозиции «реальное — идеальное». Можно было бы привести множество других слов и словосочетаний, способных в контексте публицистического высказывания выражать те же самые прагматические функции, например: *правда жизни*, *связь с действительностью*, *воистину пережитое*, *опора на факты* (функция + REAL); *голая фактография*, *плестись в хвосте у фактов*, *бескрылая описательность*, *оставаться в плену ощущений* (— REAL); *полет воображения*, *создавать новую, одухотворенную реальность*, *восходить к высшим обобщениям*, *творческое преобразование фактов* (+ IDEAL); *романтические бредни*, *в борьбе со здравым смыслом*, *субъективный произвол* и *презрение к фактам*, *мещановщина* (— IDEAL). Прагматические функции столь устойчивы, подчиняют себе такое количество лексических и фразеологических единиц, что было бы весьма поучительно для лингвистикетики проследить историю хотя бы одной из таких функций, сменяющиеся через века и десятилетия способы ее воплощения в конкретных, самых характерных для данной эпохи словах и словосочетаниях. При этом следует учитывать неравномерное развитие функций в языке разных эпох, возможность преобладания одной из них, отождествляемой с целым мировоззрением, которому подчиняется и отбор лексико-оценочных средств (так, функция «+ IDEAL» может в обособленном и застывшем виде отождествиться с идеалистическим мировоззрением, а «— IDEAL» — с нигилистическим).

Следующая оппозиция, объединяющая вокруг себя значительное количество прагмем, — это идеологически насыщенные понятия «свободы» и «необходимости» (организации). Соответствующая тетрада функций и реализующая их лексическая подсистема языка представлены в таблице:

+LIB	—LIB	+ORG	—ORG
свобода	своеволие	необходимость	гнет
воля	произвол	порядок	насилие
свободолюбие	еседоволенность	организация	угнетение
соданольные	распущенность	дисциплина	закрепощение
бунтарство	стихийность	планоность	принуждение
мятежность	анархия	централизм	
активность	плюрализм	детерминизм	деспотизм
энтузиазм	либерализм	сознательность	тирания
самостоятельность	самоуправство	ответственность	авторитарность
инициатива	солютаризм	бдительность	тоталитаризм
почин	попустительство	исполнительность	бюрократизм
демократия	безнадзорность	законность	подневольность
самоуправление			покорность
			фатализм

Четвертая функциональная тетрада, важная для анализа публицистических текстов, возникает на основе «имущественной» оппозиции: *дать* — *взять*, *поделиться* — *присвоить*, *пожертвовать* — *обогащаться*. При этом может иметься в виду как отношение к вещественному достоянию (*щедрость* — *скупость*), так и к собственной жизни (*храбрость* — *трусость*), но большее количество прагмем относится к первому подвиду. Названия соответствующих функций образованы от латинских слов *donare* «дарить, давать» и *habere* «держат, хранить, владеть».

+DON	—DON	+HAB	—HAB
щедрость	расточительство	бережливость	скупость
храбрость	разбазаривание	деловитость	скарденность
бескорыстие	растранивание	предприимчивость	свокорыстие
самоотверженность	бесхозяйственность	хозяйственность	наживаа
подвижность	жадность	рачность	стяжательство
бесэгоизм	безрасудство	экономность	накопительство
открытость			приобретательство
добродетельность	разгильдяйство	предусмотрительность	делачество
жертвенность	ропозейство		ищничество
альтруизм	мягкотелость	основательность	потребительство
		практичность	собственничество
			эгоизм

Наконец, пятая функциональная тетрада дает распределение оценок, связанных с ходом времени, с оппозицией «новое — старое», «развитие — преемственность», «новаторство — традиционность»:

+NOV	—NOV	+TRAD	—TRAD
новаторство	авангардизм	традиция	консерватизм
развитие	модернизм	преемственность	реакция
прогресс	революционизм	наследие	регресс
революционность	пересмотр	заветы	ретроград
современность	новомодный	классика	эпигонство
актуальность	сиюминутный	стабильность	костность
своевременность	дестабилизация	испытанный	инерция
творчество	подрыв	высверенный	ортодоксия
обновление	попешность	потомственный	догматизм
ускорение	лигорабочность	ветеран	шаблонность
переводик	эскалация		охранительный
	форсирование		устарелый
			пережиток

Эмпирическая проверка показывает, что подавляющее большинство прагмем, употребляемых в публицистических текстах, относится к одной из указанных пяти лексических подсистем языка и распределяется по соответствующим двадцати прагматическим функциям. На вопрос, почему именно этими функциями охватывается в основном многообразие лексических средств оценочности в языке, можно пока дать лишь гипотетический ответ. Оппозиции «единство — различие», «реальность — идея» «свобода — необходимость», «отдача — присвоение», «развитие — преемственность» наиболее глубоко укоренены в структуре человеческого интеллекта, что выражается и в древнейших традициях их философского осмысления (соответствие этим оппозициям мы найдем и в парадоксах Гераклита, и в апориях Зенона, и в кантовских антиномиях разума, и в гегелевских законах диалектики). Чем труднее чисто теоретическое решение проблемы, представленной противоположностью двух понятий, тем более склонно мышление делить эти понятия дальше, давая каждому из них двойную оценку и тем самым снимая напряженность дуальной структуры уже в рамках тетрады. Поэтому закономерно, что крупные массовые идеологически заряженных слов группируются вокруг наиболее фундаментальных оппозиций, очерчивая все возможные способы их разрешения в самом языке, в лексически закрепленной системе его прагматических установок.

6. Рефлексия оценочности. Метатетрада. В лексической системе языка выделяется еще одна подсистема, включающая прагмемы, сам референтный компонент которых является оценочным. Эта подсистема обслуживает все другие, обеспечивает их стабильное функционирование и вносит момент рефлексии, самооценки в сферу лексической прагматики. Например, прагмемы *очернять* или *обелять* уже предполагают оценочное употребление слов, которым они сами дают соответствующую отрицательную оценку.

Возьмем еще раз ситуацию, описанную у Фукидида. Некто А характеризует свою склонность к рискованным действиям как «мужество», а его противник В — как «безрассудство». Заключенная в этих словах положительная и отрицательная оценка одного и того же явления может быть отрефлектирована и уже вторично переоценена, «переиграна» оппонентами. С точки зрения А, В очерняет его мужество, а с точки зрения В, А обеляет свое безрассудство. Таким образом, А подхватывает обращенную против него оценку (*безрассудство*), чтобы обратить ее против своего противника (*очерняет*); В также использует положительную самооценку А (*мужество*) как повод для его отрицательной оценки (*обеляет*).

Слова типа *очернить*, *обелить*, *заклеймить*, *дискредитировать*, *фальсифицировать* являются элементами прагматического метаязыка, которым описывается прагматический язык объектов. При этом между объектом и относящимся к нему метаоценочным предикатом существует определенная взаимозависимость, регулируемая следующими правилами. Если объект — положительный, то предикат, к нему относящийся, может либо заключать в себе положительную оценку объекта и тогда вызывать к самому себе положительное отношение говорящего, либо заключать отрицательную оценку и оцениваться отрицательно. К таким положительным объектным прагмемам, как *мир*, *свобода*, *законность*, *равенство*, *прогресс*, могут относиться либо предикаты типа «++» — *провозгласить*, *возвестить*, *восславить*, либо типа «—» — *попрать*, *очернить*, *дискредитировать*, т. е. дающие негативную оценку своему объекту и тем самым негативно

характеризующие самого субъекта оценки. Что касается отрицательных объектных прагмем, таких, как *насилие, агрессия, беззаконие, конфронтация, эксплуатация*, то к ним могут относиться либо предикаты типа «+—», дающие отрицательную оценку и потому положительные сами по себе, например, *разоблачать, клеймить, предостерегать, обуздывать*; либо предикаты типа «—+», дающие положительную оценку и потому сами прагматически негативные, например, *смаковать, культивировать, насаждать, подстрекать, нагнетать* и т. п. «Законность» можно «крепить» или «попирать»; «беззаконие» — «осуждать» или «насаждать». Прагматически невозможны сочетания типа *попирать беззаконие* или *насаждать законность*, *подстрекать к свободе* или *сколачивать содружество* (слова *законность, свобода* в этом случае пришлось бы заключать в иронические или скептические кавычки, подчеркивая, что они употребляются в оценочном смысле, противоположном обыкновенному). Если в публицистическом тексте встречается глагол *фальсифицировать* или *торпедировать*, то дополнением к нему, как правило, окажется слово или словосочетание с положительной окраской, типа *конструктивные предложения* или *мирные инициативы*. Напротив, положительным предикатам *заклеймить, обуздать* соответствуют в качестве объектов отрицательные прагмемы *преступные акции, гонка вооружений* и т. п.

Структура этого метаязыка предикатов в точности воспроизводит структуру объектного языка, но в еще более концентрированном виде. Все метапрагмемы являются вариациями четырех функций, образующих предикативную метатетраду. Сущность идеологического мышления в ней выражена наиболее чисто и сжато, поскольку отвлечена от того предметно-понятийного многообразия, с которым имеет дело объектный язык. Там оппозиции были связаны с более или менее семантически определенными понятиями «свободы» и «необходимости», «идеи» и «материи» и т. п. — метаоценочный язык отвлечен от этой предметности, потому что объектом его описания выступают уже сами оценки, те самые «плюсы» и «минусы», которые сопровождают каждую функцию объектного языка. Метатетрада представляет собой удвоение этой оценочности, пересечение всех возможных плюсов и минусов, что опять-таки дает четыре функции:

$$\begin{array}{cc} ++ & -- \\ +- & -+ \end{array} \text{ или } \begin{array}{cc} +\text{PRO} & -\text{PRO} \\ +\text{CONTR} & -\text{CONTR} \end{array}$$

Это значит, что позитивная оценка какого-либо явления сама может быть оценена позитивно (*провозглашать, воспевать*) или негативно (*прокламировать, смаковать*), а негативная оценка какого-либо явления может быть оценена как позитивно (*разоблачить, заклеить*), так и негативно (*очернять, дискредитировать*).

Вот как выглядит более полный список субститутивов, реализующих эти четыре функции прагматического метаязыка:

+PRO	-PRO	+CONTR	-CONTR
воспевать	смаковать	клеить	попирать
возвеличивать	культивировать	осуждать	угрожать
прославлять	прокламировать	разоблачать	очернять
славить	эволюционировать	приговаривать	окаивать
провозглашать	раздувать	обуздывать	шлемовать
возвещать	обеслаивать	овергивать	подрывать
крепить	подстрекать	предостерегать	дискредитировать
приумножать	насаждать	свергать	фальсифицировать
увековечивать	нагнетать	равенчать	осквернять
	сколачивать		посягать

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гак В. Г. Согоставительная лексикология. М., 1977. С. 99.
2. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. М., 1974. С. 235—255, 312—315.
3. Словарь синонимов русского языка. 1—2. Л., 1970.
4. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. М., 1969.
5. Львов М. Р. Словарь антонимов русского языка. М., 1984.
6. Полякова Г. П., Солганик Г. Я. Частотный словарь языка газет. М., 1971.
7. Фукидид. История. Кн. 3. § 82, 4. Л., 1981. С. 147.
8. Макиавелли Н. Избр. соч. М., 1982.
9. Мельник И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст». М., 1974.